

ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СУБЪЕКТНО-БЫТИЙНОГО ПОДХОДА

Гусейнов А. Ш., Фоменко Г. Ю., Рябикина З. И.

Гусейнов Александр Шамильевич, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, 350015, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Буденного, 161. Эл. почта: AGuseinov@yandex.ru.

Фоменко Галина Юрьевна, Кубанский государственный университет, 350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Эл. почта: fomgal27@mail.ru.

Рябикина Зинаида Ивановна, Кубанский государственный университет, 350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Эл. почта: ryabikina@manag.kubsu.ru.

Интегральный феномен протестной активности личности концептуализирован в контексте методологии субъекта. Излагаются положения авторской (Гусейнов А. Ш.) концепции протестной активности личности. Протестная активность личности рассматривается как процесс, направленный на реструктурирование внешнего (микро- и макросоциума) в соответствии со спецификой самоопределения личности в конкретно-исторических противоречиях. В контексте субъектно-бытийного подхода предлагается типология форм протестной активности личности: деструктивные (негативизм, нигилизм, эскапизм, оппозиция) и конструктивные (высший эскапизм, эмансипация). Указанные формы анализируются как модусы бытия личности, оформившиеся в конкретных социально-исторических условиях в результате процесса экзистенциального самоопределения и субъектной активности личности. Обосновывается, что личности как субъекты протестной активности различаются масштабом и спецификой бытийных противоречий, степенью конструктивности их разрешения. Предлагается деструктивные и позитивные аспекты протестной активности личности анализировать с позиций ложной/истинной субъектности, аутентичности/ неаутентичности бытия.

Ключевые слова: протестная активность личности, субъектно-бытийный подход, бытийные противоречия, экзистенциальное самоопределение, ложная и истинная субъектность, аутентичность и неаутентичность бытия, модусы бытия личности.

1. Протестная активность личности в современном мире: новые тенденции в аспектах проявления и способах интерпретации

В период подъема социального активизма нередко наблюдается перерождение справедливого протеста в свою противоположность с отступлением от гуманистических ценностей. События на Украине показывают, с какой скоростью мирный протест против несправедливости и коррупции перерос в неуправляемые действия толпы, вплоть до свержения государственной власти, породив анархию и гражданскую войну. В истории примеры подобного перерождения справедливого протеста

в свою противоположность встречаются постоянно. Например, неожиданный исход французской революции, целью которой было установление свободы в полном объеме и возрождение «нового человека», а завершившейся вакханалией казней, массовым террором. Красивый лозунг «свобода, равенство, братство» очень быстро сменился на повсеместно реализованный призыв «аристократов — на фонарь». Несмотря на многочисленные исторические примеры подобного перерождения остаётся неясным и недостаточно изученным механизм этого явления.

Современная действительность порождает также массу вопросов, связанных с феноменом новых разновидностей протестной активности личности (в частности, дауншифтинг). Изменяются и объяснительные модели этих феноменов, акцент смещается в сторону онтологических оснований поиска иных форм образа жизни. А психологи в этом контексте обращаются к, казалось бы, философской проблематике отчуждения. Трудно поддается объяснению добровольное вступление в радикальные ряды ИГИЛ (запрещенная в РФ террористическая организация) успешных, образцовых студентов ВУЗов из обеспеченных семей, казалось бы, социально необделенной категории населения, на которую в последнее время делают ставку вербовщики.

Осуществляется пересмотр понятия «социализации», т.е. изменяется понятийный тезаурус, с помощью которого обсуждается развитие протеста на всех этапах: профилактика, специфика, последствия (для личности, общества, государства — как известной взаимосвязанной триады проблем безопасности) (Гусейнов, 2013). Значимой тенденцией развития психологической науки является растущий интерес мирового научного сообщества к онтологическому аспекту существования человека в мире, проблемам автономности, свободы, ответственности, личностного выбора (Deci, Ryan, 2008; Леонтьев, 2011; Карпинский, 2011). Многие исследователи обращаются к проблематике самоопределения личности как субъекта бытия (Горская, 2005; Фоменко, 2009; Журавлев, Купрейченко, 2011; Шиповская, 2013). В процессе самоопределения субъект на основе собственного мироотношения способен конструировать стратегию своей жизни и преобразовывать существующую в обществе систему ценностей и идеалов, моральных норм и правил. Предпочитаемые способы существования отражают разные варианты самоопределения личности и его психологические последствия.

Исследование закономерностей протестной активности личности, ее психологической сущности, структуры, ключевых компонентов, специфики проявлений — это актуальная и многоплановая научная проблема в контексте масштабных проблем безопасности и запросов практики.

2. Теоретико-методологические «лакуны» в изучении протестной активности и возможные способы их преодоления: от адаптивной парадигмы к субъектной

Несмотря на мощное влияние протеста на современный социокультурный контекст, а также значительный масштаб его последствий для личности и со-

циума, наблюдается существенное отставание психологии от социологии в освоении данного феномена. На данный момент не существует единого подхода к выделению компонентов структуры протестной активности личности, неясен механизм этого явления, не осуществлена операционализация конструкта, отсутствуют методики исследования данного феномена.

История становления взглядов на проблему протеста в отечественной психологии связана с именами выдающихся исследователей (Л. С. Выготский, П. П. Блонский, Л. Ф. Обухова, Д. Б. Эльконин, А. И. Божович и др.). Эти авторы подробно описали различные протестные реакции, симптомы протеста и их неоднозначное влияние на личностное становление в контексте возрастных кризисов. Протест рассматривался не только как негативная ответная реакция детей на запреты взрослых, препятствующие удовлетворению потребности в самостоятельности, но и как средство привлечения к себе внимания, поведение, связанное с зависимостью и нежеланием ребенка становиться самостоятельным.

В западной психологии анализ протестных реакций осуществлялся преимущественно в контексте психоаналитических теорий и концепций (З. Фрейд, М. Эйнсуорт, М. Малер, Э. Эриксон, Х. Хартман), а также в рамках теории агрессии и фрустрации (Д. Доллард, Н. Миллер). А. Адлер пронизательно рассмотрел в некоторых проявлениях протеста формирующийся жизненный стиль личности.

В современной психологии понятие протеста используется для описания дезадаптивных стратегий поведения. Исследователи преимущественно фиксируются на внешнем наблюдении поведенческих проявлений протеста и ожидании того, что поведение должно четко соответствовать статистическим нормативам и показателям адаптации. Акцентируя внимание на результативных характеристиках явления, авторы упускают при этом процессуальные характеристики и все многообразие формирующих его факторов. Подобный «объективный» анализ личности как управляемого объекта, по сути, не имеющей субъектной сущности, связан с игнорированием онтологических оснований человеческой жизни, «когда нивелируются проблемы пространственно-временной развертки бытия, включая проблемы предметности, реальности и действительности мира» (Клочко, 2008).

Статичная инструментальная интерпретация с ее акцентами на односторонней и однолинейной детерминации поведения человека не способна объяснить все противоречия личности в усложняющихся условиях бытия, сверхнормативную природу активности индивида, плодотворность и ресурсность здоровых, перспективных для личности и обновления социума протестных форм.

Следовательно, требуются другие объяснительные модели, не может быть и однозначной интерпретации протеста, поскольку сама жизнь показывает несостоятельность этих объяснений. Очевидна необходимость дихотомичного

рассмотрения этого явления, характеризующего позицию личности по отношению к бытию. Феномен требует концептуализации и расширенного эмпирического анализа в рамках психологии «рефлексивного человека» с акцентом на самодетерминации различных форм его активности. Согласно В. А. Мазилову (2012), целостные по своей природе явления невозможно изучать с помощью конструктивного подхода, ориентированного на воссоздание целостности из элементов, поскольку в этом случае происходит принудительный перевод сложных явлений к простой схеме. Решая сложную проблему, нужно использовать другой алгоритм, где за основу берется целостность, которая затем расчленяется и типологизируется. Приведем также мнение Д. А. Леонтьева (2011): «Признание реальности внутреннего мира личности влечет за собой необходимость содержания и отношений; признание системной организации жизнедеятельности влечет за собой необходимость изучения атрибутивных схем и принципов структурной организации систем личности, признание рефлексии, самодетерминации и выбора влечет за собой изучение стратегий, межуровневых регуляторов и механизмов самотрансценденции».

В основе нашего видения проблемы протестной активности личности лежит методология субъектно-бытийного подхода, позволяющая рассматривать эту проблему в онтологической реальности. Личность выступает субъектом процесса бытия, который необходимо поддерживать определенным образом ориентированной субъектной активностью, при этом пространства бытия личности непосредственно включаются в ее структуру и личность становится фактором, объединяющим все стороны своего бытия (как субъективные, так и объективные) в неразрывной целостности (Рябикина, Фоменко, 2009). Такое понимание личности снимает проблему ее изоляционализма и противопоставления социуму, поскольку «личность как субъект является главной конституирующей частью человеческого мира» (Фоменко, 2010б).

В субъектно-бытийном подходе сформировано представление о личности как структурном полисистемном образовании, включающем пространство психических явлений и объективные пространства личностной бытийности (организм, события среды, деятельность). В психологическом пространстве они воссоздаются как взаимосвязанные взаимопересекающиеся подпространства: «планы и структуры поведения», «образ мира», «мотивационно-потребностная сфера». Захватывая смысловое или собственно личностное поле, они репрезентированы в личностном смысле как его компоненты: конативный, когнитивный, аффективный. Таким образом, личностный смысл вбирает в себя информацию о внешнем событии, ставшем предметом отражения; акты поведения, обеспечивающие распредемчивание, «опредмеченную» потребность, конкретизировавшуюся в мотиве и окрасившая предмет и поведение пристрастностью (Рябикина, Танасов, 2010).

В своем поведении личность реализует три сопряженные базовые потребности: в самоактуализации, во внутренней согласованности, в поиске подтверждения своей значимости для внешнего мира (Рябикина, Фоменко 2009). Соответственно подчеркивается направленность человека на переустройство бытия в соответствии со структурой сложившихся личностных смыслов, т.е. на такое преобразование реальности внешнего мира, когда мир становится объективированием субъективного и продолжением личности, следствием ее экспансии.

Невозможность личности реализовать себя как субъекта, отсутствие возможности «продлить» себя во внешний мир переживается как отсутствие идентичности, неаутентичность бытия и субъективное неблагополучие, порождая различного рода деструктивные явления (Рябикина, Фоменко, 2010а).

Поэтому субъектно-бытийный подход создает устойчивую методологическую основу для изучения феномена протестной активности личности, позволяя понять истинную природу, сущность изучаемого явления и сконцентрироваться на его парадоксальности, типологическом разнообразии его форм и процессуальной трансформации способов выражения.

3. Формы протестной активности личности: основания дифференциации

Исследование особенностей личности как субъекта протестной активности осуществлялось на разном контингенте с учетом реального контекста жизнедеятельности людей (подростки, студенты, спортсмены, представители разных профессий, осужденные).

Исходя из методологического принципа субъекта, позволяющего интегрировать представления о протестной активности личности, сформулированные в границах психологического и междисциплинарного знания в целостную систему взглядов, нами были выделены и концептуализированы конструктивные (эмансипация, высший эскапизм) и деструктивные формы протестной активности личности (оппозиция, нигилизм, негативный эскапизм, негативизм).

В процессе концептуализации протестных форм мы обратили внимание на то, что протест сопряжен с субъективными переживаниями несправедливости, депривации, ограничения свободы, неудовлетворенности, несовпадения личностно-значимых ценностей с ценностями, исходящими от других (Гусейнов, 2013). В существующей реальности протестная активность личности, обнаруживая себя во взаимодействии с социальным окружением, апеллируя к социуму, всегда направлена на изменения. Выявляются кардинальные различия в спектре, масштабе, побудительных силах и причинах протеста, который варьируется от неосмысленного, стихийного акта до действия, выступающего как поступок «парадоксальный, неоправданный с точки зрения низших биологических регуляторов, но уникальный и предельно осмысленный с точки зрения высших человеческих ценностей, интересов и внеситуативных регуляторов» (Леонтьев, 2011).

При выделении различных протестных форм в контексте концепции протестной активности личности мы опирались на разработанные С. Л. Рубинштейном (2003) положения о двух способах существования: стихийном (реактивном) и рефлексивном, о тождественности сущности личности и способа существования, утверждение о том, что каждый способ существования характеризуется качественной определённой его субъектов, и их конкретизацию в концепции бытия личности в экстремальных условиях с выделением модуса бытия личности (предельного и экстремального) (Рябикина, Фоменко, 2009). Опора на данные положения позволила сконструировать структурно-диалектическую модель протестной активности личности и содержательно наполнить применительно к изучаемому феномену выделенную структуру модусов бытия. Конфигурация последних предполагает учёт типа личностной субъектности и особенностей экзистенциального самоопределения в сочетании с ценностно-смысловым позиционированием, спецификой аффективно-потребностной сферы и конструирования образа мира, способом организации личностной активности и спецификой разрешения разноуровневых противоречий (Фоменко, 2010а)

Концентрация на процессе тесной сопряженности и взаимовлиянии указанных параметров позволила провести сопоставительный анализ деструктивных/конструктивных форм протестной активности личности и, зафиксировав общие, повторяющиеся тенденции, выделить следующие основания для их дифференциации.

Ценностно-смысловая направленность личности: а) деструктивные формы — система заимствованных жизненных принципов и ценностей, ценностно-целевые приоритеты заострены вокруг полюса D-смыслов (смещение в сторону некрофильной ориентации, восприятие себя и других как «расходного» материала); самоограничение личностного потенциала; б) конструктивные формы — гуманистические ценности с гармонично выстроенной иерархией и нравственной соотнесенностью жизненных целей; генерирование, интеграция и трансляция L-смыслов (смыслов бытия); движение к самоактуализации на основе множественности выборов.

Особенности мотивационно-потребностной сферы: а) деструктивные формы — невротический жизненный план, потребностная мотивация и блокада ценностной мотивации; отсутствие потребности встраивания в социум; сниженный самоконтроль аффектов, неадекватное восприятие личностных ресурсов, зависть, неудовлетворенность; б) конструктивные — позитивная ценностная мотивация, направленность на личностный рост, потребность в самоисполненности; самодетерминация на основе осознанной саморегуляции.

Образ мира: а) в оформлении деструктивных форм большую роль играет система стереотипов, способствующих искаженному восприятию мира; несогласованность, а также оппозиция между внутренним и внешним миром, обуславливающая недоверие к миру, отчуждение, ощущение неподконтроль-

ности жизни, абсолютизацию протеста; б) конструктивные протестные формы оформляются посредством системы гуманистических идей, организующих гармоничную картину мира, устойчивое и целостное мировосприятие.

Системообразующими в конструкте «модус бытия личности» являются субъектная позиция личности и экзистенциальное самоопределение. В этом же качестве они выступают и применительно к выделению и дифференциации форм протестной активности.

Экзистенциальное самоопределение: а) деструктивные формы: извращенные способы удовлетворения экзистенциальных потребностей в связи, трансценденции, укорененности в мире, в самоидентичности и системе ориентации, создающие иллюзию разрешения экзистенциальных вопросов бытия (снижение ценности человеческой жизни, формальное понимание свободы как вседозволенности, самоизоляция, клановая солидарность, непримиримость с миром, намеренное сужение собственного бытия); б) конструктивные — глубокое осмысление жизненных дихотомий и продуктивные варианты удовлетворения экзистенциальных потребностей (экзистенциальная реализация свободы как соотнесенности с самим собой, духовная независимость, ответственность, позитивная самореализация, связь с жизнью общества).

Субъектная активность личности: а) в деструктивных формах — объектная позиция, использование незрелых защитных стратегий, самоограничение личностного потенциала, склонность к немотивированному риску, отчуждение от мира, девальвация ценностей жизни, суженная (поверхностная) и запаздывающая рефлексия совершенных поступков указывают на внешнюю детерминацию активности личности; б) в конструктивных протестных формах (высший эскапизм, эмансипация) на первый план выступает отношение к себе и другим людям как к субъектам, активизация духовных усилий, направленных на само-совершенствование и самореализацию в соответствии с собственным проектом.

Отмечена способность личности к осуществлению позитивного интересубъектного влияния на социум, развитая система саморегуляции, эффективная самодетерминация и продуктивная реализация личностного потенциала с опорой на собственные ресурсы.

Использование в совокупности единых структурных элементов позволило увидеть феномен в развернутой социально-исторической перспективе, сравнить психологические характеристики протестных форм, установить специфику и сходство в их содержании. В зависимости от того, какая форма протестной активности предпочитается, можно судить о самоопределении личности — конструктивно-преобразовательном, творческом или деструктивном, бездуховно-бесплодном и разных модусах бытия. В этом контексте протестная активность личности — это способ проживания жизни, т.е. процесс, направляющий личность в сторону духовной эволюции или личностной деградации и деструктивности.

Протестная активность личности определяется как процесс, направленный на переструктурирование внешнего (микро- и макросоциума) в соответствии со спецификой самоопределения личности в конкретно-исторических противоречиях.

В самом общем виде протестная активность рассматривается как процесс, обусловленный несогласованностью субъективного мира и объективных пространств бытия личности, благоприятствующий или препятствующий сохранению целостности личности и аутентичности бытия, опосредованный особенностями субъектной активности и экзистенциальным самоопределением, посредством которых конструируется и воспроизводится способ бытия.

Конструкт протестной активности личности предстает как сложный интегральный психологический феномен, проявляемый в конкретно-историческом контексте и варьируемый вокруг двух полюсов психодуховной жизни личности (конструктивного/деструктивного), результирующих в различные протестные формы, специфика которых обусловлена вариантом личностного выбора и типом субъектного позиционирования.

Выявленные в исследовании психологические закономерности показывают, как изменение одного параметра, например, искажение в ценностно-смысловой сфере (смещение в сторону некрофильной ориентации, восприятие людей как расходного материала и пр.) или изменение мировоззрения, социальной позиции влечет за собой модификацию других структурных параметров системы протестной активности. Это дополнительно свидетельствует о том, что протестная активность представляет собой разновидность модусов бытия личности, принимающих характер социальных деструкций, которые определяются хорошо структурированными и устойчивыми протестными формами, трудно поддающимися корректировке. Расширенное понимание протестной активности личности позволило объяснить следующий парадокс: почему люди, выступая за благие намерения и преследуя возвышенные цели в их понимании, перерождаются в обезличенных монстров и их активность становится деструктивной и приводит к катастрофическим для общества и самих участников протеста последствиям. Мы отвечаем, что смещение и искажение в каждом из структурных компонентов, в том числе объектное тяготение личности, создают условия для подобной трансформации протестной активности, которая оборачивается взрывами и насилием. Таким образом, предложенная концепция позволяет по-новому посмотреть на соотношение и взаимовлияние компонентов системы протестной активности личности и тех результатов, которые из этой взаимосвязи следуют, а также зафиксировать структурирующую функцию каждого компонента.

4. Протестная активность личности как субъекта разрешения противоречий

Мы исходим из того, что для уяснения особенностей и понимания психологических механизмов изучаемого явления целесообразно обращение к теме

противоречий личности в различных пространствах ее бытия, характер осмысления и разрешения которых во многом определяет качество субъектной активности и становление протестных форм. В методологии субъектно-бытийного подхода выделены основные их разновидности: 1) между внутренними задачами личности и внешними обстоятельствами, требованиями; 2) между повышением роли субъектных характеристик человека при одновременном резком ограничении степени его автономности неизбежным возрастанием сложности социальной организации жизни и возрастанием социального прессинга; 3) между социальной ролью человека и его индивидуальностью (Фоменко, 2009; Фоменко, 2010б). Отмечается, что трудности и следующие за ними неудачи в разрешении противоречий препятствуют самоопределению в социальной структуре общества и создают основу для деструктивных явлений. Следовательно, если эти основные противоречия в их конкретном преломлении к реальным жизненным обстоятельствам неадекватно осмыслены и неконструктивно разрешены личностью (с точки зрения их соответствия ее масштабу), она неминуемо столкнется впоследствии с новыми, уже измененными противоречиями. Ниже классифицированы бытийные противоречия, характерные для деструктивных протестных форм:

– *ценностно-смысловые противоречия*: стремление к экспансии собственного масштаба и неприемлемые способы личностного позиционирования;

- *противоречия в бытийных пространствах личности в преломлении к системным позициям «личность-общество» и «личность-государство»*: восприятие жизненных условий как непереносимых, вызывающее фрустрацию и стремление к снятию последней не собственной активностью, а внешними политическими или юридическими мерами; желание достичь социального статуса и неготовность к полноценному включению в социум в связи с неспособностью определить своё место в общественных структурах;

- *внутриличностные противоречия* — несогласованность энергетического потенциала и самоконтроля; чувство собственной грандиозности и сниженная способность к творческому созиданию; несоответствие между бытием и долгом;

- *экзистенциальные противоречия*: между осознанием фундаментальной изоляции и несформированной потребностью в принадлежности к большему целому.

Таким образом, для всех деструктивных протестных форм характерно неконструктивное разрешение бытийных противоречий — невозможность их выдерживать, нежелание их осознавать в виде проблем и находить продуктивные способы их решения, что обуславливает социальную непродуктивность личности и указывает на неспособность личности занять достойное, адекватное своим способностям и возможностям положение в обществе. Наличие комплекса примитивных защит и несформированность нравственно-этических норм

поддерживает объектную ориентацию, усугубляет внутриличностный конфликт и затрудняет проблематизацию фрустрирующих ситуаций, препятствуя их продуктивному разрешению, а склонность к безальтернативным интерпретациям жизни приводит к одномерному черно-белому восприятию мира с преобладающим ощущением ущемленности. В конструктивных формах на первый план выступают нравственные, ценностно-смысловые противоречия между выработанными в процессе углубленной рефлексии ценностями и косностью общественных структур, не готовых воспринять транслируемые субъектом ценности. Осознание себя деятелем, субъектом, способным с помощью самостоятельно выработанных ценностей и смыслов творчески преобразовывать наличные условия бытия, способствует умению выявлять проблемные ситуации и их решать на основе активной и устойчивой субъектной позиции, взяв на себя ответственность за последствия своих действий. Качество субъектной позиции зависит от уровня духовности, нравственности, этического самопонимания, от степени внутренней свободы.

На основе выделения способов разрешения противоречий, актуализируемых в протестных формах, определена специфика протестных форм: а) *деструктивные формы*: **оппозиция** — повышенная мотивация достижения и фиксация на неудачах, препятствующая достижению целей; креативные способности и приземленность, вызывающая усеченную реализацию задуманного; соперничество и отсутствие желания достигать целей; внешняя открытость в противостоянии и провокационное поведение, подстрекательство других на противоборство, наряду с желанием остаться в «тени»; **негативизм** — склонность к независимым действиям и зависимость в опеке, патронажи; склонность к доминированию, желание контролировать и подчинять среду и сниженный самоконтроль, негативный образ себя и сознание собственной исключительности; сочетание интернальности и экстернальности; самостоятельность в принятии решений и отсутствие планирования и ответственного целеполагания; ощущение собственной обделенности и неприятие прав окружающих; дерзость и нерешительность; высокие статусные притязания личности и отсутствие потребности в самореализации; неконформизм и отсутствие доброты; **нигилизм** — чувство собственной грандиозности и сниженная способность к созиданию; желание преобразований и неспособность в гуманистическом русле реализовать свои цели, вследствие небольшого диапазона творческих способностей и низкого личностного потенциала; несоответствие ценностных приоритетов и требований жизни, девальвация ценностей жизни, десакрализация существования и тотальность деструктивности; несогласованность энергетического потенциала и самоконтроля; внешняя принципиальность и моральная беспринципность; **негативный эскапизм** — экзистенциальный вакуум вызывает демонстративный уход от проблем, которые субъект хочет решать самостоятельно, но в результате не способен решить; эскапизм проявляется как реакция на двойной конфликт — внешний (межличностный) и внутриличностный; б) *конструктивные формы*:

высший эскапизм — форма протеста, согласующаяся с характеристиками истинной субъектности, переходящая в процессе сложного взаимодействия различных параметров (внешних/внутренних) в преобразовательную активность; **эмансипация** — стремление к автономии, жизнестойкость сочетаются с сильной зависимостью от адресата протеста, обуславливая амбивалентность чувств по отношению к этому субъекту; желание сохранения стабильности общественного устройства и неудовлетворенность ролью и функционированием социальных институтов; духовность, креативность, развитые способности и готовность к борьбе с теми, кто препятствует процессу самореализации.

Очевидно, что характер противоречий, а также способы их разрешения являются одним из важных критериев конструктивности взаимодействия личности и социума. Подчеркнем, что реализация конструктивных форм протеста (это касается не только эмансипации, но и высшего эскапизма) не означает окончательное и автоматическое снятие противоречий, т.е. человеку необходимо постоянно их разрешать в ситуациях повседневности в соответствии с достигнутым уровнем зрелости личности и ее масштаба. В противном случае человек останавливается в своем развитии и происходит характерное «скатывание вниз» к примитивному, механистичному уровню существования с невозможностью сохранения целостности личности и аутентичности бытия. Закостенение, духовная стагнация, отказ от проблематизации собственного существования инициируют процесс, который приводит к личностной трансформации и смене субъектного позиционирования на объектное, в результате которого человек быстро оказывается в тех же условиях, которые способствуют образованию деструктивных форм протеста. Следовательно, через анализ противоречий получает более четкую определенность проблема позиционирования личности, связанная с ложной/истинной субъектностью, выделенная в качестве одного из основных дифференцирующих признаков конструктивных/деструктивных протестных форм. С этих позиций получает интерпретацию и дауншифтинг, который представляет собой мятеж против навязываемых бездуховных ценностей, нарастающего прессинга социального контроля над личностью, ведущего к ее социальной запрограммированности. Уход из привычной среды и отказ от мотивированной необходимости предстает как попытка преодоления отчуждения и «репетиция» более аутентичной, связанной с реализацией собственной уникальности формы бытия, которую в техногенной реальности все труднее удовлетворить.

В своем анализе мы следовали требованию субъектно-бытийного подхода: введение какого-либо феномена в широкий социальный контекст предполагает осмысление системы социальных детерминант с точки зрения их психологической противоречивости (Фоменко, 2009). Представляется, что система, культивирующая объектное отношение к личности и лишаящая человека возможности влияния на происходящие процессы, существенно осложняет процесс

самоопределения личности и создает питательную среду для деструктивных протестных форм и экстремистских настроений (Рябкина, Фоменко, 2010б). Нельзя ставить человека в однозначно объектную позицию, поскольку воспринимая себя в качестве объекта и инструмента в руках социальных структур и государства, человек неминуемо разрушается, превращаясь в безликую «человек-машину», попутно разрушая все вокруг себя. Незрелость индивидуального сознания, обуславливающая стремление влиться в массу, становится основой для безропотного подчинения личности лидеру, вплоть до утраты духовного «Я». Такие люди легко попадают в экстремистские группы, объединенные на основе отчуждения, клановости, нравственных изъянов.

Понимание и уяснение сути феномена протестной активности связано с субъектной методологией, позволившей расширить ценностно-смысловые контексты решаемой проблемы и выйти за рамки категории деятельности. Представленная здесь структурно-диалектическая модель протестной активности личности дала возможность рассмотреть феномен в макросоциальных координатах и объяснить психологические механизмы парадокса, который можно эксплицировать в виде вопроса: почему, когда человек выступает как «послушное тело» социального субъекта и становится максимально адаптированным и успешным, его готовность к бунту многократно возрастает? Основой социальной стабильности и прогрессивного развития общества является не конформный, безликий «массовый человек» (более того, именно он является потенциально взрывоопасным элементом), а когнитивно сложная, активная личность, интегрированная в культурный контекст, воспринимающая и позиционирующая себя как подлинный субъект исторического процесса, понимающая степень и границы своего влияния на происходящие процессы, творчески преобразующая и разрешающая противоречия, обладающая глубоким и масштабным мышлением. В этом случае просто не оказывается причин для деструктивной активности личности по отношению к социальным институтам и по отношению к самой себе.

Библиографический список

1. Горская Г. Б. (2005). Контекстные детерминанты субъектности личности. В. В. Знаков, З. И. Рябкина (ред.). *Субъект, личность и психология человеческого бытия* (с. 178–190). Москва: Изд-во «Институт психологии РАН».
2. Гусейнов А. Ш. (2013). *Протестная активность личности: сущность, динамика, трансформация*. Монография. Краснодар: Экоинвест.
3. Журавлев А. А., Купрейченко А. Б. (2011). Развитие идеи С. А. Рубинштейна о самоопределении субъекта в современной социальной психологии. К. А. Абульханова (ред.). *Философско-психологическое наследие С. А. Рубинштейна* (с. 216–233). Москва: Институт психологии РАН.
4. Карпинский К. В. (2011). Дезинтеграция смысла жизни как предпосылка кризиса в развитии личности. *Человек. Сообщество. Управление*, 2, 4–16.

5. Ключко В. Е. (2008). Закономерности движения психологического познания: проблема ценностей и смысла в призме трансспективного анализа. В. В. Знаков, Г. В. Залевский (ред.). *Ценностные основания психологической науки и психология ценностей* (с. 41–61). Москва: Институт психологии РАН.
6. Леонтьев Д. А. (ред.). (2011). *Личностный потенциал: структура и диагностика*. Москва: Смысл.
7. Мазилев В. А. (2012). Парадигмы в психологии: от истории к современности. А. А. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич (ред.) (2012). *Парадигмы в психологии: науковедческий анализ* (с. 57–94). Москва: Институт психологии РАН.
8. Рубинштейн С. Л. (2003). *Бытие и сознание. Человек и мир*. Санкт-Петербург: Питер.
9. Рябикина З. И., Танасов Г. Г. (2010). Субъектно-бытийный подход к личности и анализу ее со-бытия с Другими (конструктивная версия постмодернистских настроений). *Человек. Сообщество. Управление*, 2, 4–20.
10. Рябикина З. И., Фоменко Г. Ю. (2010а). Личность в профессии: теоретико-эмпирическая интерпретация в контексте субъектного и событийного подходов. А. Г. Дикая, А. А. Журавлев (ред.). *Социальная психология труда: теория и практика* (с. 82–101). Москва: ИП РАН.
11. Рябикина З. И., Фоменко Г. Ю. (2010б). Психология безопасности и интерпретация феномена терроризма в контексте субъектно-бытийного подхода. *Материалы международной научно-практической конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму* (29–30 октября 2009). (с. 250–253). Москва: МЦНМО.
12. Рябикина З. И., Фоменко Г. Ю. (2009). Субъектно-бытийный подход: преимственность традиций. *Человек. Сообщество. Управление*, 4, 26–37.
13. Фоменко Г. Ю. (2009). Проблема противоречий в современных условиях бытия личности. А. А. Журавлёв, Н. П. Фетискин, Т. И. Миронова (ред.) *Материалы международного конгресса «Психология XXI столетия: Теория. Эксперимент. Социальная практика»* (10–13 сентября, 2009) (с. 394–398). Москва; Кострома: Издательство КГУ им. Некрасова.
14. Фоменко Г. Ю. (2010а). Модусы бытия личности в контексте субъектно-бытийного подхода. В. В. Знаков, З. И. Рябикина, Е. А. Сергиенко (ред.) *Психология субъекта и психология человеческого бытия* (с. 158–174). Краснодар: Издательство КубГУ.
15. Фоменко Г. Ю. (2010б). Психология безопасности личности: теоретико-методологические основания институционализации. *Человек. Сообщество. Управление*, 1, 83–99.
16. Шиповская В. В. (2013). Модусы преодолевающей активности личности в контексте субъектно-бытийного подхода. *Известия СГУ*. 4–2 (28), 89–93.
17. Deci E. L., Ryan R. M. (2008). Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development and health. *Canadian Psychology*, 49, 182–185.

Статья поступила в редакцию 25.05.2015.

PROTEST ACTIVITY OF PERSONALITY WITHIN THE FRAMEWORK OF SUBJECTIVE EXISTENTIAL APPROACH

Guseynov A. Sh., Fomenko G. Yu., Ryabikina Z. I.

Guseinov Aleksandr Shamilievich, Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism, 350015, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, st. Budyonny, 161. E-mail: AGuseinov@yandex.ru.

Fomenko Galina Yurievna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: fomgal27@mail.ru.

Ryabikina Zinaida Ivanovna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: ryabikina@manag.kubsu.ru.

An integral phenomenon of protest activity of personality is conceptualized in the context of methodology of the subject. The contribution of the author's (A. Sh.Guseynov) conception of protest activity of personality is enunciated. Protest activity of personality is considered as a process aimed at restructuring the external (micro- and macrosociety) in accordance with the specificity of personal identity in the concrete historical contradictions. A typology of forms of protest activity of personality: destructive (negation, nihilism, escapism, opposition) and constructive (ultimate escapism, emancipation) is proposed in the context of the subject-existential approach. These forms are analyzed as modes of being of personality that took shape in specific socio-historical conditions as a result of a process of existential personal identity and the subjective activity of personality. It is proved that personalities as subjects of protest activity are differentiated by scale and specificity of existential contradictions, a degree of constructiveness of their resolution. Destructive and positive aspects of the protest activity of personality are offered to analyze from a perspective of false/true subjectivity, authenticity/inauthenticity of being.

Key words: protest activity of personality, subjective-existential approach, existential contradictions, existential personal identity, false and true subjectivity, authenticity and inauthenticity of being, modes of existence of personality.

References

1. Gorskaya G. B. (2005). Kontekstnyie determinanti subyektности lichnosti [Contextual determinants of subjectivity of the personality]. V. V. Znakov, Z. I. Ryabikina (eds.). *Subyekt, lichnost i psihologiya chelovecheskogo byitiya* [The subject, personality and psychology of human existence]. (pp. 178–190). Moscow, Institut psihologii RAN.
2. Guseynov A. Sh. (2013). Protestnaya aktivnost lichnosti: suschnost, dinamika, transformatsiya: monografiya [Protest activity of personality: the essence, dynamics, transformation: monograph]. Krasnodar, Ekoinvest.
3. Juravlev A. L. & Kupreychenko A. B. (2011). Razvitie idei S. L. Rubinshteyna o samoopredelenii subyekta v sovremennoy sotsialnoy psihologii [The development of the idea of Rubinstein of personal identity of the subject in modern social psychology]. Edited by K. A. Abulkhanova. *Filosofsko-psihologicheskoe nasledie S. L. Rubinshteyna* [Philosophical and psychological legacy of S. L. Rubinstein]. (pp. 216–233). Moscow, Institut psihologii RAN.
4. Karpinskiy K. V. (2011). Dezintegratsiya smysla jizni kak predposylka krizisa v razvitii lichnosti [The disintegration of life purpose as a prerequisite for the crisis in the personal enhancement]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 2, 4–16.
5. Klochko V. E. (2008). Zakonomernosti dvijeniya psihologicheskogo poznaniya: problema tsennostey i smysla v prizme transspektivnogo analiza [Regularities of process of psychological knowledge: the problem of values and meaning in the prism transpective

- analysis]. V. V. Znakov, G. V. Zalevskiy (eds.). *Tsennostnyie osnovaniya psihologicheskoy nauki i psihologiya tsennostey* [Axiological bases of psychology and axiological psychology] (pp. 41–61). Moscow, Institut psihologii RAN.
6. Leontev D. A. (ed.). (2011). *Lichnostnyiy potentsial: struktura i diagnostika* [Personal potential: structure and diagnostics]. Moscow, Smyisl.
 7. Mazilov V. A. (2012). Paradigmy v psihologii: ot istorii k sovremennosti [Paradigms in psychology: from history to the modern times]. A. L. Juravlev, T. V. Kornilova, A. V. Yurevich (eds.). *Paradigmy v psihologii: naukovedcheskiy analiz* [Paradigms in psychology: scientific analysis]. (pp. 57–94). Moscow, Institut psihologii RAN.
 8. Rubinshteyn S. L. (2003). *Bytie i soznanie. Chelovek i mir* [Being and consciousness. The man and the world]. Saint-Petersburg, Piter Publ..
 9. Ryabikina Z. I. & Tanasov G. G. (2010). Subyektno-byitiyniy podhod k lichnosti i analizu ee so-byitiya s Drugimi (konstruktivnaya versiya postmodernistskiy nastroyeni) [Subject-existential approach to the personality and analysis of her co-existence with the others (constructive version of postmodern public mood)] *Chelovek. Soobschestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 2, 4–20.
 10. Ryabikina Z. I. & Fomenko G. YU. (2010a). Lichnost v professii: teoretiko-empiricheskaya interpretatsiya v kontekste subyektного i sobyitiynogo podhodov. L. G. Dikaya, A. Juravlev (eds.). *Sotsialnaya psihologiya truda: teoriya i praktika* [The personality in profession: theoretical and empirical interpretation in the context of the subjective and the event-driven approaches Social labour psychology: theory and practice]. (pp. 82–101). Moscow, Institut psihologii RAN.
 11. Ryabikina Z. I. & Fomenko G. Yu. (2010b). Psihologiya bezopasnosti i interpretatsiya fenomena terrorizma v kontekste subyektно-byitiynogo podhoda. *Materialyi mejdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii po problemam bezopasnosti i protivodeystviya terrorizmu* [Psychology of safety and interpretation of the phenomenon of terrorism in the context of the subject-existential approach. Proceedings of the international research and practice conference on security and counter-terrorism (29–30 October 2009)]. (pp. 250–253). Moscow, MTSNMO.
 12. Ryabikina Z. I. & Fomenko G. YU. (2009). Subyektно-byitiyniy podhod: preemstvennost traditsiy [Subject-existential approach: the continuity of traditions]. *Chelovek. Soobschestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 4, 26–37.
 13. Fomenko G. Yu. (2009). Problema protivorechiy v sovremennyih usloviyah byitiya lichnosti A. L. Zhuravlev, N. P. Fetiskin, T. I. Mironova (eds.). *Materialyi mezhdunarodnogo kongressa "Psihologiya XXI stoletiya: Teoriya. Eksperiment. Social'naya praktika"* [The problem of contradictions in modern conditions of personal being. Proceedings of the international congress "Psychology of the XXI Century: Theory. Experiment. Social Practice"]. (pp. 394–398). Moscow; Kostroma, Izdatelstvo KGU im. Nekrasova.
 14. Fomenko G. Yu. (2010a). Modusy byitiya lichnosti v kontekste subyektно-byitiynogo podhoda. V. V. Znakov, Z. I. Ryabikina, E. A. Sergienko (eds.) *Psihologiya subyekta i psihologiya chelovecheskogo byitiya* [Modes of being of the personality in the context of the subject-existential approach. Psychology of the subject and the psychology of human existence]. (p. 158–174). Krasnodar, KubGU.
 15. Fomenko G. Yu. (2010b). Psihologiya bezopasnosti lichnosti: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya institutsionalizatsii [Psychology of personal security: theoretical and method-

- ological foundations of institutionalization]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 1, 83–99.
16. Shipovskaya V. V. (2013). Modusy preodolevayushey aktivnosti lichnosti v kontekste subyektno-byitiynogo podhoda [Modes of overcoming activity of the personality in the context of the subject-existential approach]. *Izvestia SGU* [Bulletin of SGU], 4–2 (28), 89–93.
 17. Deci E. L., Ryan R. M. (2008). Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development and health. *Canadian Psychology*, 49, 182–185.